

УДК 902.904 (574)
МРНТИ 03. 41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2024.3.25.45.56>

Мужское или женское?

(об определении пола антропоморфных каменных изваяний)

© 2024 г. Ермоленко Л.Н., Касенова А.Д.

Keywords: Central Kazakhstan, Toguzbaykol, Early Iron Age, Middle Ages, statues, attribution, gender traits, breast

Түйін сөздер: Орталық Қазақстан, Тоғызбайкөл, ерте темір дәуірі, орта ғасыр, тас мүсіндер, атрибуция, жыныс белгілері, кеуде

Ключевые слова: Центральный Казахстан, Тогузбайколь, ранний железный век, Средневековье, изваяния, атрибуция, признаки пола, грудь

Lyubov Ermolenko¹ and Asemgul Kasenova^{2*}

¹Doctor of History, Professor at the Department of Archaeology, Kemerovo State University. Kemerovo, Russia.
ORCID: [0000-0002-5483-3361](https://orcid.org/0000-0002-5483-3361) E-mail: lyubov.ermolenko@mail.ru

^{2*}Corresponding author, Candidate of Historical Sciences, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan.
ORCID: [0000-0002-8401-6610](https://orcid.org/0000-0002-8401-6610) E-mail: asema_94@mail.ru

A man or a woman?

(identifying the gender of anthropomorphic stone statues)

The article discusses one of the aspects of attributing anthropomorphic stone statues created by ancient and medieval nomads of the Eurasian steppes – identifying the gender of the depicted characters. The author considers the issue based on the case of a statue from the Toguzbaykol site in Ulytau (Central Kazakhstan). The study of this original statue is complicated by the discrepancy in the information published about it. The use of archival materials made it possible to clarify the cultural and chronological attribution of the statue – it was identified as an artifact of the Tasmola culture of the early Iron Age. A comparative analysis of the methods of depicting such a sexual sign as breasts in the iconography of plastic art works from different periods made it possible to challenge the existing idea that the statue from Toguzbaykol depicts a woman. The established cases of identical stylization of female and male breasts presumes that this feature alone cannot be considered an absolute identifier of gender. The emphasis on this bodily attribute in the iconography of anthropomorphic male and female images is due to its significance and the concepts attached to it. The author questions the validity of researchers' identification of the gender of statues having no obvious sexual characters based on the recognition of their facial features as masculine or feminine.

Source of funding: The article was prepared within the framework of grant funding of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan 2023–2025, IRN AP19579221.

For citation: Ermolenko, L., Kasenova, A. 2024. A man or a woman? (identifying the gender of anthropomorphic stone statues). *Kazakhstan Archeology*, 3 (25), 45–56 (in Russian). DOI: [10.52967/akz2024.3.25.45.56](https://doi.org/10.52967/akz2024.3.25.45.56)

Любовь Николаевна Ермоленко¹,
Әсемгүл Дәуренқызы Қасенова^{2*}

¹тарих ғылымдарының докторы, археология кафедрасының профессоры, Кемерово мемлекеттік университеті, Кемерово қ., Ресей

^{2*}корреспондент авторы, тарих ғылымдарының кандидаты, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы қ., Қазақстан

Ер адамдікі ме, әлде әйелдікі ме?
(антропоморфты тас мүсіндердің жынысын анықтау жайлы)

Любовь Николаевна Ермоленко¹,
Асемгуль Дауреновна Касенова^{2*}

¹доктор исторических наук, профессор кафедры археологии, Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия

^{2*}автор-корреспондент, кандидат исторических наук, Институт археологии имени А. Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан

Мужское или женское?
(об определении пола антропоморфных каменных изваяний)

Мақала Еуразия даласындағы ежелгі және ортағасырдағы көшпенділердің антропоморфты тас мүсіндерінің атрибуция аспектілерінің бірі — адам мүсінінің жынысын анықтауға арналған. Бұл мәселе Ұлытаудағы Тоғызбайкөл шатқалынан (Орталық Қазақстан) табылған тас мүсін негізінде қарастырылды. Бұл ерекше тас мүсін жайлы жарияланған деректерде қайшылық көп, сол себепті зерттеу күрделене түсті. Архив материалдарын қарастыру кезінде тас мүсіннің мәдени-хронологиялық атрибуциясы нақтыланып, ерте темір дәуірі Тасмола мәдениетінің ескерткішіне жатқызылды. Әртүрлі дәуірдің пластикалық өнер туындылары иконографиясындағы «кеуде» секілді жынысты анықтайтын белгілерді көрсету әдістерін салыстырмалы талдау барысында Тоғызбайкөлден табылған тас мүсін әйелді бейнелейді деп қалыптасып қалған түсінік күмәнді болып шықты. Әйелдер мен ерлердің кеудесін бірдей мүсіндеген жағдайлар анықталғандықтан, жеке алынған бұл белгіні жыныстың көрсеткіші деп есептеуге болмайтыны анық. Антропоморфты иконографияда ер адам және әйел адам бейнелерінде сөз болып отырған дене атрибуты маңызды болғандықтан, оған ерекше көңіл бөлінген, оның астарында қандай да бір мән болған. Зерттеушілердің анық жыныс белгісі жоқ тас мүсіндердің жынысын олардың бет-әлпетінің ер адамға немесе әйелге ұқсас екенін тану арқылы анықтау қаншалықты дәлелді деген мәселе қарастырылады.

Қаржыландыру көзі: Мақала ҚР Ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитетінің 2023–2025 жылдарға арналған гранттық қаржыландыру шеңберінде, ЖТН 19579221 жобасы аясында дайындалды.

Сілтеме жасау үшін: Ермоленко Л.Н., Қасенова Ә.Д. Ер адамдікі ме, әлде әйелдікі ме? (антропоморфты тас мүсіндердің жынысын анықтау жайлы). *Қазақстан археологиясы*. 2024. № 3 (25). 45–56-бб. (Орысша). DOI: [10.52967/akz2024.3.25.45.56](https://doi.org/10.52967/akz2024.3.25.45.56)

Статья посвящена одному из аспектов атрибуции антропоморфной каменной скульптуры древних и средневековых кочевников степей Евразии – определению пола изваянного индивида. Проблема рассмотрена на примере изваяния из урочища Тоғызбайколь в Улытау (Центральный Казахстан). Изучение этого оригинального изваяния осложняется расхождением опубликованных о нём сведений. Привлечение архивных материалов дало возможность уточнить культурно-хронологическую атрибуцию изваяния – отнести его к памятникам тасмолинской культуры раннего железного века. Сравнительный анализ способов воспроизведения такого признака пола как грудь в иконографии произведений пластического искусства разных эпох, позволил поставить под сомнение существующее представление о том, что изваяние из Тоғызбайколя изображает женщину. Ввиду выявленных случаев одинаковой стилизации женской и мужской груди этот признак, взятый в отдельности, не может считаться безусловным идентификатором пола. Акцентирование данного телесного атрибута в иконографии антропоморфных – мужских и женских изображений обусловлено его значимостью и придаваемыми ему смыслами. Поставлен вопрос об обоснованности идентификации исследователями пола изваяний, не имеющих явных признаков пола, исходя из признания черт их лица маскулинными или женственными.

Источник финансирования: Статья подготовлена в рамках грантового финансирования Комитета науки МНВО РК 2023–2025, ИРН проекта AP19579221.

Для цитирования: Ермоленко Л.Н., Касенова А.Д. Мужское или женское? (об определении пола антропоморфных каменных изваяний). *Археология Казахстана*. 2024. № 3 (25). С. 45–56.

DOI: [10.52967/akz2024.3.25.45.56](https://doi.org/10.52967/akz2024.3.25.45.56)

1 Введение (Ермоленко Л.Н.)

Для интерпретации антропоморфного образа среди прочего важно установить пол изображённого. Иногда это оказывается непростой задачей, поскольку изображения могут не содержать непосредственной информации для идентификации пола. В этой связи заметим, что исследователи каменных антропоморфных изваяний – памятников ранних и средневековых кочевников Евразии порой предпринимают попытки определения пола индивидов, изображённых без явных признаков пола или с признаками, допускающими неоднозначное толкование, как в случае антропоморфного изваяния из урочища Тоғызбайколь в Улытау.

2 Материал и методы исследования (Ермоленко Л.Н.)

2.1 Методы исследования

При написании статьи использовались релевантные методы изучения изобразительных археологических памятников: метод культурно-хронологической атрибуции, позволивший пересмотреть предложенное более полувека назад определение изваяния из урочища Тогузбайколь как образца средневековой скульптуры; метод сравнительного анализа, примененный для систематизированного сопоставления изобразительных элементов произведений пластики разных эпох.

2.2. Характеристика материала

Оригинальное антропоморфное изваяние было обнаружено в 1940-х гг. в урочище Тогузбайколь, расположенном в северном предгорье Улытау. В настоящее время оно хранится в фондах Центрального государственного музея Республики Казахстан (г. Алматы). Тогузбайкольское изваяние разрушено: от головы остался треугольный выступ с участком плоской поверхности лица, нижний отдел изваяния отбит, однако объемно моделированный торс большей частью сохранился (рис. 1, 1, 2). Согласно А.Х. Маргулану, изваяние, отнесенное им к памятникам кыпчаков [Маргулан 1966: 44–45], воспроизводит «обнаженную женскую фигуру с очень выпуклыми и рельефно выступающими грудями» [Маргулан 1948б: 56].

3 Анализ и обсуждение (Ермоленко Л.Н., Касенова А.Д.)

Рассуждения по поводу состоятельности подобного определения, на наш взгляд, следует предварить рассмотрением вопроса об археологическом контексте, в котором найдено изваяние, и который может иметь отношение к культурно-хронологической атрибуции этого неординарного образца скульптуры.

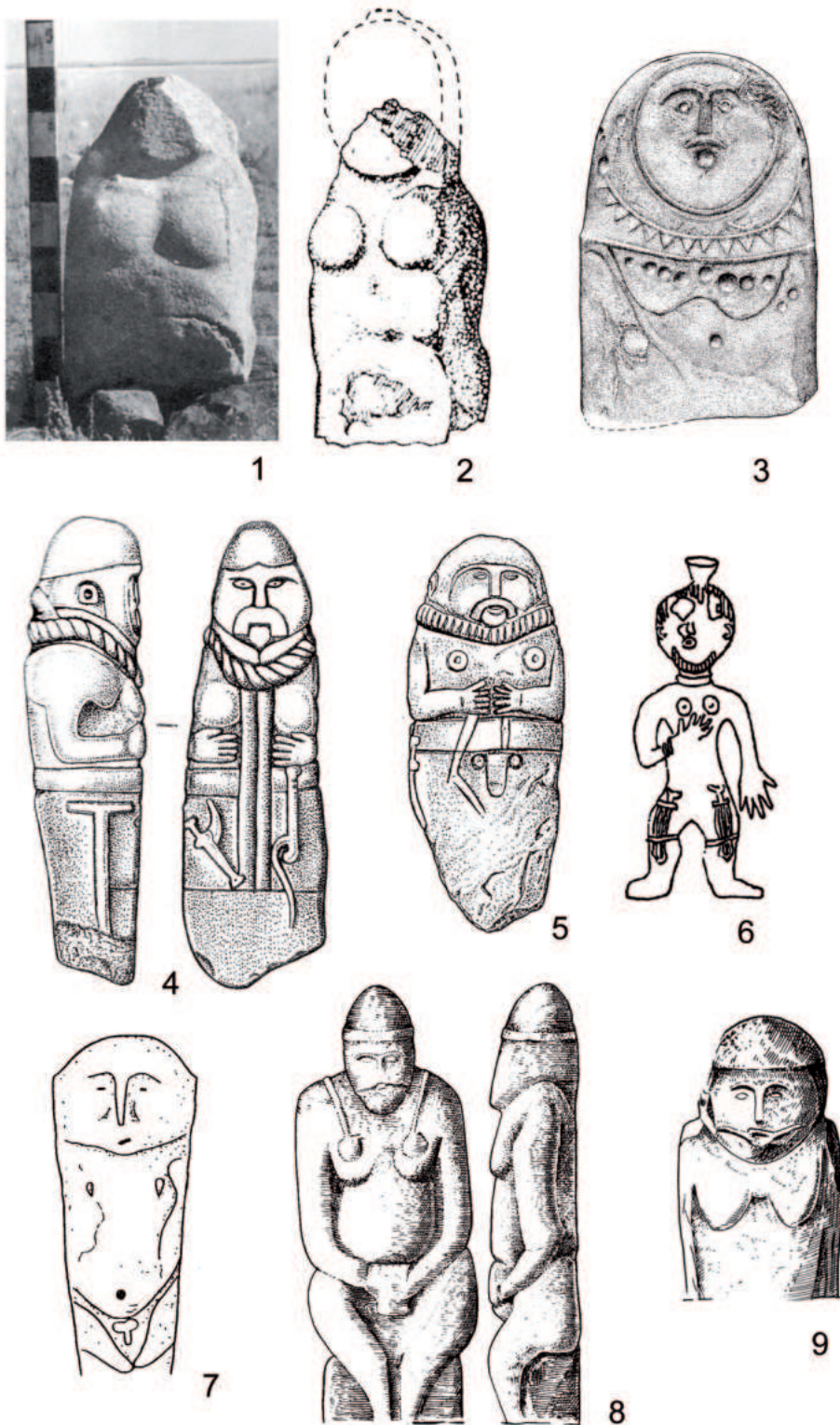
Судя по имеющейся информации, изваяние впервые документировано (сделаны фотография изваяния и описание объекта, возле которого оно располагалось) в 1946 г. археологической экспедицией ИИАЭ АН КазССР, возглавленной Г. И. Пацевичем [Маргулан 1948а: 119; НА ИА КН МНВО РК Д. 78]. Согласно данным полевого дневника Л.Р. Кызласова, в сентябре 1948 г. изваяние было обследовано экспедицией под руководством А.Х. Маргулана, при этом сфотографировано и зарисовано [НА ИА КН МНВО РК Д. 114. Л. 34, 35]. Очевидно, А.Х. Маргулан осматривал памятник и в предыдущие годы.

Различающиеся сведения об условиях находки и описания изваяния (без иллюстративных материалов) опубликованы А.Х. Маргуланом в двух статьях, вышедших в начале 1948 г. [Маргулан 1948а; 1948б]. Фотография изваяния и рисунок с элементом реконструкции, воспроизведены в статье А.Х. Маргулана, изданной в 1966 г. [Маргулан 1966: рис. 20, а, б].

В статьях А.Х. Маргулана, появившихся в печати в 1948 г., различно характеризуется позиция изваяния, по-разному определяется порода камня, из которого оно изготовлено, а также археологический объект, в связи с которым найдено изваяние, при этом в одной из статей приводится краткая, а в другой подробная версия описания этого объекта.

В статье А.Х. Маргулана «Археологические разведки в Центральном Казахстане (1946)», содержащей краткое описание, сообщается, что высеченное из *серого гранита* изваяние стояло возле раскопанного бугровщиками большого каменного кургана диаметром 25 м [Маргулан 1948а: 125]. Краткой версии А.Х. Маргулан придерживался также в работе 1966 г. В свою очередь, материалы о тогузбайкольском изваянии из публикации 1966 г. были использованы составителями четвертого тома «Сочинений» А.Х. Маргулана [Маргулан 2003: 43, ил. 33, 1, 2].

Другая статья А.Х. Маргулана «К изучению памятников района р. Сары-Су и Улутау» включает *подробную версию* описания памятника. Объект, где было обнаружено изваяние, определяется в данной статье как курган с «усами» [Маргулан 1948б: 56]. В описании приводится не только

диаметр кургана – 25 м, но и высота разрушенной грабителями насыпи – 0.5 м, и глубина воронки – 2.5 м. Отмечается, что на восток от кургана отходят «усы» – каменные гряды шириной около 1 м, протяжённостью 130 м (северная) и 116 м (южная). Сообщается, что изваяние из *розового песчаника* лежало примерно в пяти метрах к юго-востоку от насыпи. В числе «околокурганых» конструкций упомянуты два небольших каменных кургана, «примыкавшие» к насыпи кургана с «усами» с севера и юго-запада [Маргулан 1948б: 56].

В основу краткого и подробного описаний памятника в маргулановских статьях 1948 г., по всей видимости, положены разные полевые наблюдения. Полевыми дневниками А.Х. Маргулана мы, к сожалению, не располагаем, но подробное описание из статьи А.Х. Маргулана, в целом, совпадает с данными, приведёнными в дневнике Г.И. Пацевича за 1946 год [НА ИА КН МНВО РК Д. 78. Л. 128–130]. Есть и некоторые отличия: Г.И. Пацевич не указывает глубину воронки, расстояние от насыпи до изваяния, не отмечает факта наличия небольших насыпей, примыкающих к кургану с каменными грядами. Между тем в дневнике Г.И. Пацевича имеется схематический рисунок объекта, возле которого найдено тогузбайкольское изваяние, не оставляющий сомнения в том, что это курган с каменными грядами [НА ИА КН МНВО РК Д. 78. Л. 129].

Условия нахождения изваяния в связи с курганом с каменными грядами («усами») соответствуют археологическому контексту, в котором выявлены некоторые изваяния сакской эпохи [Ермоленко и др. 2016: 132]. Согласно справедливому замечанию А.З. Бейсенова, высказанному в коллективной статье, характер связи изваяний раннего железного века с данными сооружениями пока не ясен [Бейсенов и др. 2018: 112].

Изваяние из урочища Тогузбайколь, несмотря на специфичность, имеет некоторое сходство со статуарными памятниками раннего железного века (сакской эпохи, тасмолинской культуры), пока относительно немногочисленными, довольно разнообразными и недостаточно изученными.

Так, признаком общности с изваяниями сакской эпохи является плоская поверхность лица, участок которой сохранился на уцелевшем фрагменте головы тогузбайкольского изваяния. «Плосколикость» – элемент комбинированного приема моделировки головы, выявленного на нескольких изваяниях сакской эпохи и прослеживающегося в иконографии скифской скульптуры [Ермоленко и др. 2016: 130, рис. 2]. В этой связи удивляет прозорливостью графическая реконструкция головы тогузбайкольского изваяния (плоское лицо, «шишкообразный» выступ) на рисунке [Маргулан 1966: рис. 20, б] (рис. 1, 2), созданном задолго до открытия феномена каменной пластики сакской эпохи.

Рис. 1. Изображения мужских индивидов с «женской» грудью: 1, 2 – изваяние из урочища Тогузбайколь (по: [Маргулан 2003: ил. 33, 1, 2]); 3 – чемурчекское изваяние (по: [Ковалев 2012: 22, рис. 2]); 4, 5 – скифские изваяния (по: [Ольховский, Евдокимов 1994: ил. 1, 1; 48, 81]); 6 – бронзовая фигурка из Сапоговского клада (по: [Зуев 1993: рис. 1]); 7 – кыпчакское изваяние (по: [Ермоленко 2004: рис. 15, 32]); 8, 9 – половецкие изваяния (по: [Плетнева 1974: табл. 45, 685, 73, 1250])

1-сур. «Әйел» кеуделі ер адамның бейнесі: 1, 2 – Тоғызбайкөл шатқалынан табылған тас мүсін ([Маргулан 2003: 33, 1, 2-ил.] бойынша); 3 – чемурчек тас мүсіні ([Ковалев 2012: 22, 2-сур.] бойынша); 4, 5 – скиф тас мүсіндері ([Ольховский, Евдокимов 1994: 1, 1; 48, 81-ил.] бойынша); 6 – Сапогово көмбесінен табылған қола фигура ([Зуев 1993: 1-сур.] бойынша); 7 – қыпшақ тас мүсіні ([Ермоленко 2004: 15, 32-сур.] бойынша); 8, 9 – половец тас мүсіндері ([Плетнева 1974: 45, 685, 73, 1250-кесте] бойынша)

Fig. 1. Depictions of male characters with “female” breasts: 1, 2 – the statue from the Toguzbaykol site – after – Margulan 2003: fig. 33, 1, 2; 3 – a Čemurček statue – after – Kovalev 2012: 22, fig. 2; 4, 5 – Scythian statues – after – Olkhovskiy, Evdokimov 1994: fig. 1, 1; 48, 81; 6 – a bronze figurine from the Sapogovo hoard – after – Zuev 1993: fig. 1; 7 – a Kipchak statue – after – Ermolenko 2004: fig. 15, 32; 8, 9 – Cuman statues – after – Pletneva 1974: table 45, 685; 73, 1250

Что касается неясности с породой камня (серый гранит или розовый песчаник), то она разрешена посредством геологического определения. Согласно заключению канд. геол.-минерал. наук А.А. Антоненко (Институт геологических наук им. К.И. Сатпаева), изваяние высечено из розового мелкозернистого гранита. Следует отметить, что науке известны выразительные изваяния сакской эпохи, созданные как из гранита (Кособа, Айбас дарасы 3), так и из песчаника (Сартоган).

В одной из предыдущих работ мы предположили не только о датировке изваяния из урочища Тогузбайколь ранним железным веком, но и о том, что оно могло изображать мужчину [Ермоленко и др. 2021: 620]. Известно, что в древней и средневековой пластике на мужских изваяниях иногда воспроизводились груди (в публикациях речь также идет о «грудных мышцах», «сосках») или соотносящиеся с ними так называемые нагрудные бляхи.

Данный признак отмечен, например, в иконографии памятника эпохи бронзы – Керносовского идола, детали композиции и семантика образа которого в литературе толкуются различно. Так, анализ этой и других антропоморфных стел позволил Я.В. Василькову сформулировать гипотезу о том, «... что в эпоху бронзы у народов Евразии (в частности, у индоевропейцев) бытовала общая идеология – “пастушеский героизм”, почитание героев (часто обожествленных), погибших при захвате или защите стад или женщин, а при жизни, по-видимому, входивших в воинские “братства”» [Васильков 2009: 47].

К кругу визуализированных свидетельств существования в бронзовом веке подобных представлений Я.В. Васильков причислил также чемурчекские памятники [Васильков 2009: 47, примеч. 2]. Среди чемурчекских изваяний, в изобразительных особенностях которых А.А. Ковалев усматривает истоки иконографии скифской скульптуры [Ковалев 2012: 2], есть экземпляры с выделенными грудями. Автором предположительно определяются как «женская грудь» отдельные барельефные детали параболовидного абриса, напоминающие «обвисшую грудь» [Ковалев 2012: 16, 18, 66]. Соответствующий признак мужского пола, нижний контур которого чаще имеет вид пары соединенных дуг, описывается как (мощные) «грудные мышцы» [Ковалев 2012: 12, 22, 28, 72, и др.] (рис. 1, 3). На одном изваянии обозначены груди округлых очертаний; пол изображенного не уточняется [Ковалев 2012: 76]. Кстати, «подчеркнутый нижний контур обнаженной груди» А.А. Ковалев считает одним из общих признаков чемурчекских и скифских изваяний [Ковалев 2012: 156].

Между тем на мужских, преимущественно, раннескифских (по В.С. Ольховскому) изваяниях из Причерноморья и Северного Кавказа наблюдаются разные варианты стилизации грудей. Могут изображаться груди округлой формы (по предположению В.С. Ольховского – нагрудные бляхи) [Ольховский, Евдокимов 1994: ил. 1, 1; 6, 8; 51, 86; 76, 126] (рис. 1, 5); могут быть намечены нижние [Ольховский, Евдокимов 1994: ил. 76, 127; 85, 147; 87, 149; 89, 154; Ольховский 2005: ил. 74, 1; 82, 2] или внутренние [Ольховский, Евдокимов 1994: ил. 77, 128; Ольховский 2005: ил. 73, 1] очертания грудных мышц (в последнем случае изображения грудей и рук могут образовывать одно целое) [Ольховский, Евдокимов 1994: ил. 30, 56; 45, 78]. Возможно, на одном изваянии использован смешанный приём [Ольховский, Евдокимов 1994: ил. 40, 73]. В предметном репертуаре почти всех этих изваяний представлены гривна и оружие, тогда как роговидный сосуд, за единственным исключением, отсутствует.

Груды (округлые или нижний контур) изображены также на нескольких своеобразных северокавказских изваяниях без гривны и оружия, в том числе относимых В.С. Ольховским к скифоидным [Ольховский, Евдокимов 1994: ил. 82, 140; 83, 143; 84, 145а; 85, 146].

Сравнивая способы воспроизведения грудей на скифских изваяниях и изваянии из Тогузбайколя, можно отметить определённое сходство с изваянием из Ольховчика, на котором грудные мышцы (?) переданы плоско-округлыми барельефами [Ольховский, Евдокимов 1994: ил. 48, 81] (рис. 1, 4). В.С. Ольховский, однако, не уделил внимания в каталожном описании этим особенностям ре-

льефа изваяния из Ольховчика, а в другой части текста подчеркнул отсутствие на нем изображений нагрудных блях [Ольховский, Евдокимов 1994: 24, 71].

Что касается раннесарматского времени, то груди детализированы на многих бронзовых фигурках из Сапоговского клада, изображающих вооруженных мужчин (рис. 1, б). В.Ю. Зуев в статье, посвящённой истории клада и систематизации «пляшущих человечков», истолковал образ, сочетающий мужские (фаллос и/или оружие) и женские (груды) атрибуты, как андрогинный [Зуев 1993: 101]. Однако С.А. Яценко пришёл к выводу, что на мужских фигурках воспроизведены не женские груди. Он обратил внимание на различия в стилизации этой детали на мужских и женских изображениях из состава клада: груди (соски, согласно С.А. Яценко) у мужских персонажей размещены выше и переданы кружками меньшего размера, чем у женских [Яценко 2001: 101]. Исследователь предположил, что создателям «... мужских хорошо “вооруженных” идольчиков ... было важно передать несколько гипертрофированные для мужчин соски» [Яценко 2000: 256]. Следует также заметить, что фигурки типов А и Б, изображавшие, по мнению В.Ю. Зуева и С.А. Яценко, представителей высокого социального ранга, элементами иконографии которых являются оружие и груди, – не фаллические.

Заканчивая характеристику образцов пластики раннего железного века, обратим внимание на следующее обстоятельство. Если в работах В.Ю. Зуева мысль об андрогинности фигурок из Сапоговского клада не получила развития, то в отношении образа, запечатлённого на скифских изваяниях, С.А. Рагуленко предположил «гетерогенный семантизм» – сочетание приоритетного «маскулинного аспекта» (признаки мужского пола, «военная атрибутика») с элементом «феминной семантики (наличие груди)» [Рагуленко 2013]. Изображением женской груди С.А. Рагуленко считает и детали иконографии скифских изваяний, определенные В.С. Ольховским как (нагрудные) бляхи, предположительно, «... металлические сфероконические защитные бляхи, нашивавшиеся на кожаную основу кафтана» [Ольховский, Евдокимов 1994: 71]. При этом С.А. Рагуленко ссылается на мнение Е.В. Черненко об отсутствии находок соответствующей детали скифского доспеха [Рагуленко 2013].

В каменной скульптуре средневековых тюркоязычных кочевников – на так называемых уйгурских, кыпчакских и половецких изваяниях тоже встречаются изображения грудей у мужских персонажей. На некоторых мужских изваяниях уйгурского периода, найденных в Туве, барельефом воспроизведены соски [Евтюхова 1952: рис. 21; 22, 2; 23, 2; 32].

Среди изваяний кыпчакской традиции имеются экземпляры, груди на которых переданы замкнутыми фигурами округлой (чаще всего), овальной и каплевидной формы [Ермоленко 2004: рис. 12, 24; 15, 30, 32; 16, 33; 49, 82; 63, 109; 70, 119; и др.], или выделены по нижним очертаниям [Чариков 1980: рис. 6, 16, 17]. В редких случаях кроме грудей бывает показан половой орган – женский или мужской. При этом груди на «женских» и «мужских» изваяниях могут быть стилизованы одинаково, например, в виде перевернутых капель, очевидно, обозначающих «обвисшую грудь» [Ермоленко 2004: рис. 15, 32; 49, 82] (рис. 1, 7).

На женских и большинстве мужских половецких изваяниях воспроизводился нижний контур грудей. Мужские груди (грудные мышцы) чаще всего отличаются формой и пропорциями от женских, обыкновенно «обвисших», иногда оканчивающихся сосками, но встречаются мужские и женские изваяния с грудями похожих очертаний (напр.: [Плетнева 1974: табл. 14, 46; 14, 55; 29, 256; 45, 687; 55, 950; 74, 1242]) (рис. 1, 8, 9). С.А. Плетнева писала, что женские груди отмечены на ранних и поздних мужских половецких изваяниях, а мужские («развитые грудные мышцы») свойственны полнотелым мужским индивидам, запечатлённым на статуях периода расцвета половецкой скульптуры (XII в.) [Плетнева 1974: 74, 75].

Нередко поверх мужских грудей (грудных мышц) или над ними изображены круглые бляхи, закрепленные на ремнях. В наспинной части данного аксессуара, которая на многих изваяниях не изображалась, могла находиться одна (центральная) бляха или две бляхи, расположенные аналогично нагрудным; блях там могло и не быть [Плетнева 1974: 26, 27, 29].

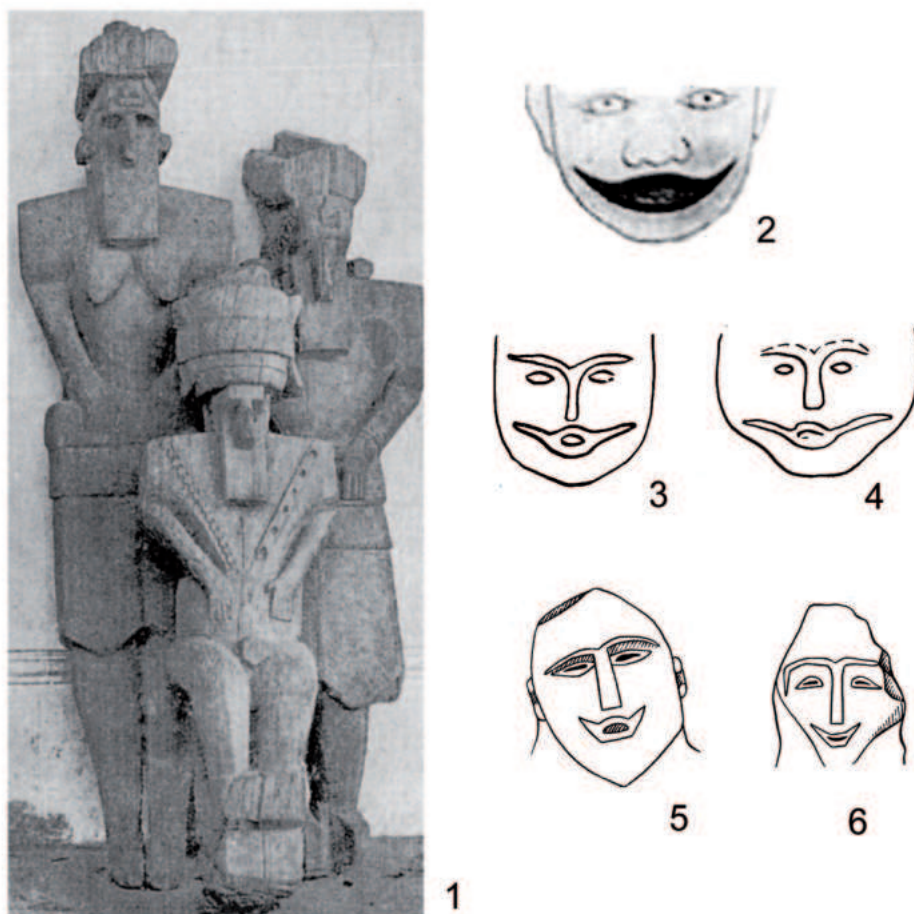

Рис. 2. Примеры соотношения «мужских» и «женских» признаков: 1 – скульптура кафиров (сидящая фигура – мужская, стоящие – женские) (по: [Edelberg 1960: fig. 21]); 2 – женская татуировка у айну (по: [Лим 2013: рис. 2]); 3, 4 – стилизация усов на лицах половецких изваяний (по: [Плетнева 1974: рис. 27]); 5, 6 – стилизация усов на лицах кыпчакских изваяний (по: [Чариков 1980: рис. 2, 12, 14])

2-сур. «Ер адам» және «әйел» белгілері арақатынасының мысалдары: 1 – Кафирлер мүсіні (отырған фигура – ер адам, тұрған фигура – әйел) ([Edelberg 1960: 21-сур.] бойынша); 2 – айну халқының әйел татуировкасы ([Лим 2013: 2-сур.] бойынша); 3, 4 – половец тас мүсіндерінің бетіндегі мұрттардың стильденуі ([Плетнева 1974: 27-сур.] бойынша); 5, 6 – кыпшақ тас мүсіндерінің бетіндегі мұрттардың стильденуі ([Чариков 1980: 2, 12, 14-сур.] бойынша)

Fig. 2. Examples of the relationship between “male” and “female” features: 1 – statues of Kafirs (the seated figure is male, the standing ones are female) – after – Edelberg 1960: fig. 21; 2 – female tattoo among the Ainu people – after – Lim 2013: fig. 2; 3, 4 – stylized moustaches on the faces of Cuman statues – after – Pletneva 1974: fig. 27; 5, 6 – stylized moustaches on the faces of Kipchak statues – after – Charikov 1980: figs. 2, 12, 14

Исследователи предположили утилитарное назначение обсуждаемого аксессуара. Н.И. Веселовский видел в нем «... ремни, скрепляющие части панцыря, и две круглые нагрудные бляхи защитного свойства на местах скрещивания ремней (сохранена орфография источника – авт.)» [Веселовский 1915: 20]. Согласно Г.А. Федорову-Давыдову, эта принадлежность доспеха обеспечивала плотное прилегание кольчуги к телу воина [Федоров-Давыдов 1966: 175]. С.А. Плетнева, указав на отсутствие кольчуги в предметном репертуаре половецких статуй, допустила защитное назначение блях, позволяющих «предохранить грудь от удара стрелы». При этом С.А. Плетнева считала собственную версию недоказанной, поскольку вещественных прототипов подобных блях не найдено [Плетнева 1974: 27].

Представляется, что при объяснении функции нагрудных блях (о «второстепенности» блях на спине, возможно, свидетельствует необязательность воспроизведения наспинной части аксессуара, состоящего из блях и ремней) следует учитывать семантику органа, с которым эти бляхи связаны – груди. С.А. Плетнева следующим образом характеризовала символику женской груди, в том числе в контексте мужского образа: «Грудь – это символ жизни и силы. < ... > Характерно, что не только женские изваяния изображались с грудью, но и большое число мужских снабжалось этим же символическим атрибутом силы родового покровителя, дарующего благополучие и богатство» [Плетнева 1974: 74].

Между тем семантика женской груди не могла быть ограничена представлениями о ней как о приносящей только благо, хотя бы по причине амбивалентности семантики женского начала. Т.В. Володина, основываясь на анализе белорусских (и общеславянских) традиционных представлений и языковых данных, констатировала многообразие значений женской груди: «... в народной культуре грудь, будучи источником пищи и символом вскармливания, включает в поле своих семантических смыслов сложное переплетение мотивов жизни/смерти, эрота/танатоса и, таким образом может становиться орудием вреда и даже убийства» [Володина 2006: 278]. Добавим к этому, что исследовательница по поводу поверья об использовании русалкой своей железной груди как песта, которым она убивала жертву путём толчения в ступе, высказала предположение о «мужской» семантике женской груди [Володина 2006: 278].

Изображение женских грудей у мужских индивидов в рассмотренных выше произведениях древней и средневековой пластики могло быть обусловлено тем, что представления о сверхъестественных свойствах женской груди частью переносились на мужскую. В половецкой скульптуре визуализированы представления и о значимости мужских грудей, которые являлись довольно устойчивым элементом иконографии мужского образа сами по себе и в совокупности с нагрудными бляхами, очевидно ассоциированными с грудями, служившими для их защиты, не исключено, что также магической.

Интересно, что в конце XIX в. тувинцы тоже акцентировали в скульптуре данную деталь мужского образа. А.В. Адрианов осмотрел в 1881 г. изваяние уйгурского времени, называемое местным населением «Чингисхан». Исследователь обнаружил, что на голову статуи надета шапка, а на торс – рубашка, сшитые из миткаля и разрисованные красной краской. Характерно, что на рубашке были «выведены ребра» (т.е. визуализированы детали скелета – «рентгеновский» прием!), а на каменной груди статуи нарисованы «соски и самые груди» [Адрианов 1886: 396]. Заметим, что груди с сосками на данном изваянии не выделены барельефом.

4 Заключение (Ермоленко Л.Н.)

Таким образом, анализ образцов древней и средневековой пластики не только позволил предположить, что изображение грудей было обусловлено значимостью этого телесного атрибута, но и показал, что груди могли воспроизводиться на женских и мужских изваяниях одинаковыми спосо-

бами. Следовательно, мы не можем безоговорочно утверждать о принадлежности к женскому полу индивида, запечатлённого на обломке изваяния из урочища Тогузбайколь. Для подобного заключения нужно располагать совокупностью признаков, так или иначе указывающих на пол.

Точно также ненадежным признаком для дифференциации изображений женских и мужских индивидов может оказаться оцениваемая исследователями «женственность» или «маскулинность» черт лица. Примером тому служит деревянная скульптура кафиров, в которой встречаются мужские и женские статуи с грубо высеченными лицами, одинаково заканчивающимися «тяжелыми» и длинными прямоугольными подбородками напоподобие бороды «лопатой» [Edelberg 1960: fig. 21] (рис. 2, 1).

К слову, ассоциация между очертаниями подбородков женских статуй и формой мужской бороды может оказаться вовсе не абсурдной. Из этнографии айну известен обычай женской татуировки, наносимой вокруг рта и напоминающей усы. Символическая связь с растительностью на мужском лице как будто следует из объяснения женщинами айну назначения татуировки: «Когда W. Dening в 1877 г. расспрашивал айнок о целях татуировки, они говорили, что если они не будут ее делать, то боги на них рассердятся. На его замечание, почему же боги не наказывают мужчин, они ответили, что у тех имеются борода и усы» [Лим 2013: 110]. О возможности независимого возникновения стилизации усов, подобной одному из вариантов айнской татуировки [Лим 2013: рис. 2] (рис. 2, 2), по всей видимости, свидетельствует иконография изваяний кыпчакской эпохи и половецких статуй [Чариков 1980: рис. 2, 11, 12, 14; 6, 23; Плетнева 1974: табл. 1, 5; 3, 15; 8, 37, 40; 22, 142; 29, 263; 37, 313; 51, 910; 66, 1186; 68, 1188; 73, 1250; 75, 1229; 80, 1290; 81, 1297] (рис. 2, 3–6).

В заключение следует отметить, что поднятый в настоящей статье вопрос имеет отношение к проблеме сложности толкования исследователем содержания и смысла изображений прошлых эпох.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Адрианов А.В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 году по поручению Императорского Русского Географического Общества членом сотрудником А.В. Адриановым. СПб.: Типогр. Имп. Акад. наук, 1886. 276 с.
- 2 Бейсенов А.З., Торгоев А.И., Дуйсенбай Д.Б., Ахияров И.К. Курган с «усами» Атасу-2 // Поволжская археология. 2018. № 3 (25). С. 103–117.
- 3 Васильков Я.В. Между собакой и волком: по следам воинских братств в индийских традициях // Азиатский бестиарий: Образы животных в традициях Южной, Юго-Западной и Центральной Азии / Отв. ред. М.А. Родионов. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 47–62.
- 4 Веселовский Н.И. Современное состояние вопроса о «каменных бабах» или «балбалах». Одесса, 1915. 39 с.
- 5 Володина Т.В. «Няхрышчанае мясца»: женская грудь и грудное вскармливание в белорусских традиционных представлениях и языке (на общеславянском фоне) // Антропологический форум. 2006. № 4. С. 264–285.
- 6 Евтюхова Л.А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // МИА. 1952. № 24. С. 72–120.
- 7 Ермоленко Л.Н. Средневековые каменные изваяния Казахских степей (типология, семантика в аспекте военной идеологии и традиционного мировоззрения). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2004. 132 с.
- 8 Ермоленко Л.Н., Касенова А.Д., Курманкулов Ж.К. Л.Р. Кызласов и проблемы изучения каменных изваяний Центрального Казахстана // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 3. С. 613–623.
- 9 Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К., Касенова А.Д. Некоторые итоги изучения изваяний раннего железного века Сарыарки // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения): м-лы междунар. конф. / Под ред. В. В. Боброва. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2016. С. 129–135.
- 10 Зуев В.Ю. «Пляшущие человечки» Сапоговского клада // Ad rolum. Памяти Л.П. Хлобыстина / Отв. ред. Г.Н. Грачёва (Археологические изыскания. Вып. 10). СПб.: Фарн, 1993. С. 95–102.
- 11 Ковалев А.А. Древнейшие статуи Чемурчека и прилегающих территорий. СПб., 2012. 160 с.

- 12 Лим С.Ч. История татуировки айнов Сахалина и Хоккайдо // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. № 3. С. 105–112.
- 13 Маргулан А.Х. Археологические разведки в Центральном Казахстане (1946) // Известия АН КазССР. Сер. историч. 1948а. № 49. Вып. 4. С. 119–145.
- 14 Маргулан А.Х. К изучению памятников района р. Сары-Су и Улутая // Вестник АН КазССР. 1948б. Февраль. № 2(35). С. 53–60.
- 15 Маргулан А.Х. Каменные изваяния Улутая / сост.-ред. Д.А. Маргулан, Д. Маргулан // Сочинения: В 14 т. Т. 3–4. Алматы: Дайк-Пресс, 2003. С. 20–46.
- 16 Марғұлан Ә.Х. Ұлутая төңірегіндегі тас мүсіндер // Ежелгі мәдениет куәлары / Жалпы ред. басқарушы Ә. Х. Марғұлан. Алматы: Қазақстан, 1966. 8–52-бб.
- 17 НА ИА КН МНВО РК Д. 78 – Пацевич Г.И. Дневник Центрально-Казахстанской археологической экспедиции 1946 г. // НА ИА КН МНВО РК. Д. 78.
- 18 НА ИА КН МНВО РК Д. 114 – Кызласов Л.Р. Дневник Центрально-Казахстанской археологической экспедиции. 1948 г. № 3. АН КазССР. ИИАЭ, г. Алма-Ата // Архив ИА КН МНВО РК. Д. 114.
- 19 Ольховский В.С. Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа. М.: Наука, 2005. 299 с.
- 20 Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л. Скифские изваяния VII–III вв. до н.э. М., 1994. 188 с.
- 21 Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния. М.: Наука, 1974. 200 с. (САИ; Вып. Е4-2).
- 22 Рагуленко С.А. Каменные изваяния в структуре курганных комплексов и в системе религиозно-обрядовых традиций скифской культуры // Вопросы отечественной истории и археологии. Сб. статей к 80-летию проф. В. Д. Кучиева / Отв. ред. Р.С. Бзаров. Владикавказ, 2013. С. 60–83. URL: <https://studylib.ru/doc/3855638/kamennye-izvayaniya-v-strukture-kurgannyh-kompleksov-i-v> (дата обращения: 31.01.2024).
- 23 Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1966. 274 с.
- 24 Чариков А.А. Новая серия каменных статуй из Семиречья // Средневековые древности евразийских степей / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1980. С. 213–234.
- 25 Яценко С.А. Антропоморфные образы в искусстве ираноязычных народов Сарматии II–I вв. до н.э. // Stratum plus. 2000. № 4. С. 251–272.
- 26 Яценко С.А. Культурные контакты финно-угорских и иранских народов древности (Сапоговский клад как культурно-исторический памятник) // Этно-национальные доминанты в культуре и искусстве народов Урало-Поволжья: Сб. статей / Отв. ред. К.М. Климов. Ижевск: изд. дом «Удмурт. ун-т», 2001. С. 99–114.
- 27 Edelberg L. Statues de bois rapportées du Kafiristan à Kabul après la conquête de cette province par l'Émir Abdul Rahman en 1895-96 // Arts Asiatiques. 1960. Vol. VII. No. 4. Pp. 243-286.

REFERENCES

- 1 Adrianov, A. V. 1886. *Puteshestvie na Altai i za Sayany, sovershennoe v 1881 godu po porucheniyu Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva chlenom sotrudnikom A.V. Adrianovym (Journey to Altai and beyond the Sayan Mountains in 1881 on behalf of the Imperial Russian Geographical Society by its staff member A.V. Adrianov)*. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences (in Russian).
- 2 Beisenov, A. Z., Torgoev, A. I., Duisenbay, D. B., Akhiyarov I. K. 2018. In: *Povolzhskaya arheologiya (The Volga River region archaeology)*, 3 (25), 103-117 (in Russian).
- 3 Vassilkov, Y. V. 2009. In: Rodionov, M. A. (ed.). *Aziatskiy bestiariy: Obrazy zivotnyh v traditsiyah Yuzhnoy, Yugo-Zapadnoy i Tsentralnoy Azii (The Asian Bestiary: Animal Imagery in the Traditions of South, Southwest and Central Asia)*. St. Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography of the RAS, 47-62 (in Russian).
- 4 Veselovskiy, N. I. 1915. *Sovremennoe sostoyanie voprosa o "kamennyh babah" ili "balbals" (Current status of the issues of 'stone babas' or 'balbals')*. Odessa (in Russian).
- 5 Valodzina, T. V. 2006. In: *Antropologicheskiiy forum (Forum for Anthropology and Culture)*, 4, 264-285 (in Russian).
- 6 Evtyukhova, L. A. 1952. In: *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR (Materials and Studies on the Archaeology of the USSR)*, 24, 72-120 (in Russian).
- 7 Ermolenko, L. N. 2004. *Srednevekovye kamennye izvayaniya Kazahstanskih stepey (tipologiya, semantika v aspekte voennoy ideologii i traditsionnogo mirovozzreniya) (Medieval stone sculptures of the Kazakh steppes (typology, semantics in the aspect of military ideology and traditional worldview))*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (in Russian).
- 8 Ermolenko, L. N., Kasenova, A. D., Kurmankulov, Z. K. 2021. In: *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of Kemerovo State University)*, 23 (3), 613-623 (in Russian).

- 9 Ermolenko, L. N., Kurmankulov, Z. K., Kasenova, A. D. 2016. In: Bobrov, V.V. (ed.). *Arheologicheskoe nasledie Sibiri i Tsentralnoy Azii (problemy interpretatsii i sohraneniya) (Archaeological Heritage of Siberia and Central Asia (Problems of Interpretation and Preservation))*. Kemerovo: “Kuzbassvuzizdat” Publ., 129-135 (in Russian).
- 10 Zuev, V. Y. 1993. In: Gracheva, G. N. (ed.). *Ad polum. Pamyati L.P. Hlobystina (Ad polum. In memory of L.P. Khlobystin)*. St. Petersburg: “Farn” Publ., 95-102 (in Russian).
- 11 Kovalev, A. A. 2012. *Drevneyshie statui Chemurcheka i prilgayushchih territoriy (The oldest statues of Čemurček and surrounding areas)*. St. Petersburg (in Russian).
- 12 Lim, S. C. 2013. In: *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dalnem Vostoke (Humanities research in the Russian Far East)*, 3, 105-112 (in Russian).
- 13 Margulan, A. K. 1948a. In: *Izvestiya Akademii nauk Kazakhskoy SSR. Seriya istoricheskaya (Proceedings of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. Historical Series)*, 49 (4), 119-145 (in Russian).
- 14 Margulan, A. K. 1948b. In: *Vestnik Akademii Nauk Kazakhskoy SSR (Bulletin of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR)*, February, 2 (35), 53-60 (in Russian).
- 15 Margulan, A. K. 2003. In: Margulan, D. A., Margulan, D. (eds.). *Sochineniya (Works)*. Vol. 3–4. Almaty: “Dayk-Press” Publ. (in Kazakh, Russian).
- 16 Margulan, A. K. 1966. In: Margulan, A. K. (ed.). *Witnesses of ancient culture*. Almaty: “Kazakhstan” Publ., 8-52 (in Kazakh).
- 17 In: Scientific archive of the Margulan Institute of Archaeology. D. 78 (in Russian).
- 18 In: Scientific archive of the Margulan Institute of Archaeology. D. 114 (in Russian).
- 19 Olkhovskiy, V. S. 2005. *Monumentalnaya skulptura naseleniya zapadnoy chasti evraziyskih stepey epohi rannego zheleza (Monumental sculpture of the population of the western part of the Eurasian steppes during the Early Iron Age)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 20 Olkhovskiy, V. S., Evdokimov, G. L. 1994. *Skifskie izvayaniya VII–III vv. do n.e. (Scythian statues of the 7th–3rd centuries BC)*. Moscow: Institute of archaeology RAS; Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of Ukraine (in Russian).
- 21 Pletneva, S. A. 1974. *Polovetskie kamennye izvayaniya (Cuman stone statues)*. (SAI. E4-2). Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 22 Ragulenko, S. A. 2013. In: Bzarov, R. S. (ed.). *Voprosy otechestvennoy istorii i arheologii (Problems of Russian history and archaeology)*. Vladikavkaz, 60-83 (in Russian).
- 23 Fedorov-Davydov, G. A. 1966. *Kochevniki Vostochnoy Evropy pod vlast'yu zolotoordynskikh khanov (Nomads of Eastern Europe under the rule of Golden Horde khans)*. Moscow: Moscow University (in Russian).
- 24 Charikov, A. A. 1980. In: Pletneva, S. A. (ed.). *Srednevekovye drevnosti evraziyskih stepey (Medieval antiquities of Eurasian steppes)*. Moscow: “Nauka” Publ., 213-234 (in Russian).
- 25 Yatsenko, S. A. 2000. In: *Stratum plus*, 4, 251-272 (in Russian).
- 26 Yatsenko, S. A. 2001. In: Klimov, K. M. (ed.). *Etno-natsionalnye dominanty v kulture i iskusstve narodov Uralo-Povolzh'ya (Ethno-national dominants in the culture and art of the peoples of the Ural-Volga region)*. Izhevsk: “Udmurt University” Publ., 99-114 (in Russian).
- 27 Edelberg, L. 1960. In: *Arts Asiatiques*, VII, 4, 243-286 (in French).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The authors claim no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 31.07.2024.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 08.09.2024.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 18.09.2024.

